

Российская Академия Наук

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации
Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии Наук

ИНТЕЛРОС. Специальный выпуск. 2018

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. ПРИВАТИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО

XXVIII Экономический форум 4-6 сентября 2018
Крыница-Здруй, Польша

Special Issue for the XXVIII
International Economic Forum
Krynica-Zdroj, Poland
4-6 September 2018

Проект «Созидание будущего» (COF-Project)

ИНТЕЛРОС –
Интеллектуальная Россия

МОСКВА 2018

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

---

Специальный выпуск

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным
проблемам глобализации

Александр Неклесса

ПРИВАТИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия

МОСКВА 2018

Александр Неклесса. Приватизация будущего. – ИНТЕЛПРОС. Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Специальный выпуск для XXVIII Международного экономического форума в г. Крыница-Здруй, Польша / Отв. ред. Е.В. Хомутова. – М.: ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. 2018. – 28 с.

Научное издание

Специальный выпуск бюллетеня подготовлен совместно с Центром цивилизационных и региональных исследований (ФГБУ ИАФРРАН).

Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН издаются в печатном и электронном виде в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой совместно с Группой «Север-Юг» и Центром цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН при поддержке экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии, а также Отделения общественных наук и Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (по списку). Издание носит некоммерческий характер. Бюллетень распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License, позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материалы на любом носителе при условии, что оригинальная работа процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена ссылка на публикацию, а также информация об авторском праве и лицензии. Отдельные материалы, воспроизводимые в бюллетене и защищенные иным образом, могут потребовать дополнительного согласования с владельцами авторских прав.

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации учреждена в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002).

Свидетельство о регистрации СМИ Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №77-18303 от 14.09.2004.

Бюллетень издается в печатном и электронном виде, содержание которых может не совпадать.

Электронная версия бюллетеня представлена на сайте ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия <http://intelros.ru/>

Приватизация будущего © Александр Неклесса, 2018

Оформление © ИНТЕЛПРОС, 2018

Фотография на обложке © Елизавета Неклесса, 2014

Картина «Прибытие» © Елизавета Неклесса, 2017

“A Europe of Common Values or A Europe of Common Interests?”

Report: Alexander Neklessa “The Privatization of Future”

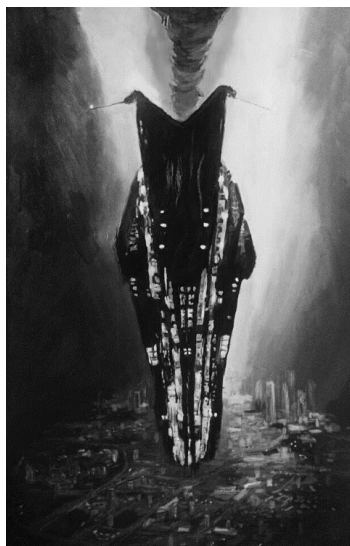
ПРИВАТИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО¹

Переход от индустриальной эпохи к нелинейной новизне драматизирует,
приватизирует и мультиплицирует историю

Открылась бездна звезд полна.

Звездам числа нет, бездне дна.

М.В. Ломоносов

Цивилизация переживает кризис перехода (rite of passage), испытывая социокультурный шок, который стимулируется двумя факторами, следствиями tour de force цивилизации: реальностью глобального массового общества, получившего доступ к достижениям современности, а также революцией элит как класса и как личностей. И еще – футуристическим порывом самореализации, питающим очередные, забрезжившие на горизонте утопии. Рынок версий будущего, конструкторские бюро его проектов предлагают сюжеты, сценарии, маршруты, оперируя фактами, расчетами и предположениями, однако содержание перманентно обновляемого транзита шире мозаики текущих представлений.

Вселенная горизонтов

Мир постоянно обновляется, комплексные системы эксплуатируют транзит, отрицая равновесие и воспроизводя критичность.

Социальным камертоном прошлого века была революция масс, связанная с промышленной культурой и этатизацией. Индустриализм реализовал конвейерное производство копий, заложив основу общества потребления – изобилие дешевых вещей, что в свою очередь девальвировало семантику классовых различий. Предметы и услуги – от костюма до образования, стали доступны по заметно снизившимся ценам. Рост дискреционных доходов повышал уровень экономической неопределенности и социальных возможностей. Мимикрия кастовой принадлежности взламывала классовые перегородки и обращала прежнюю стратификацию в динамичный калейдоскоп, рождая надежды и умножая иллюзии.

¹ Приватизация будущего © Александр Неклесса, 2018. The Privatization of Future © Alexander Neklessa, 2018. This article is a part of “The. Creation of Future” Project (COF Project).

Потребность в узко образованных профессионалах, необходимых для функционирования экономических и политических фабрик, укрепляла позиции среднего класса. Сообщество людей знания претерпевало собственную трансформацию: акцент сместился с познания на использование, эстафета переходила от мыслителей к инженерам, техническим и социальным. Трансформировался также политический класс. В массовом обществе множились проекты радикальных решений и миражи утопических композиций, эрзац-элита укрепляла позиции и становилась лидером масс, государство обращалось в политическую машину, управляемую бюрократией или номенклатурой. Властный субъект преобразался в картель, регулируемый конкуренцией его сегментов: партий или кланов.

В условиях изобилия товаров и услуг, порожденного индустриальной культурой, дефицит платежеспособных потребителей преодолевался за счет смены поведенческих норм (коррупции протестантской этики); интенсификации искусственного потребления (технологий моды, рекламы, маркетинга); борьбы с протекционизмом. Сыграли свою роль также рост государственных расходов, экспансия военно-промышленного сектора и диалектика высокотехнологичной деструкции. После тридцатилетней войны XX века, перемоловшей прежнее мироустройство и реформировавшей элиту, инициируется глобальная, универсальная реконструкция социокосмоса, меняется соотношение инженерно-технического и финансово-торгового вектора цивилизации. Деколонизация Юга и последующее становление Третьего мира вовлекают в деятельную вселенную дополнительных платежеспособных потребителей и новых акторов перемен. Усложнение социальной и технической оболочек цивилизации ведет к постиндустриальному перевороту, резко возрастает статус нематериальных активов.

Сложность возникающих проблем, утрата определенности ведут к повышению сложности управления, дивергенции политических систем, конкуренции старых и новых компетенций. Идею интеграции свободы и равенства под эгидой демократии сменяет ориентация на персональный суверенитет. Пришествие постиндустриального класса предложило свою модель миростроительства: снижение уровня рестрикций и роли протоколов в мироустройстве; делигитимацию авторитарно-патерналистских форм власти, ослаблявших личностное начало; культуру гибкой борьбы (soft power) за реализацию идеалов; ревизию стандартов социального поведения.

Неолиберальный фильтр, просеивая многочисленный прекариат, усложняет правила вхождения в социоценоз трансграничного Севера, возможность коллективно и обезличено влиять на перемены, отдавая предпочтение амбициозным профессионалам, креативным предпринимателям, интеллектуалам-технологам, пассионарным индивидам. Революцию масс сменяет восстание элит, происходит разделение механизмов регулирования политической и экономической практики, стратегическое преимущество переходит к финансово-цифровым операциям и сложным системам, способным эффективно функционировать в ситуациях неопределенности.

Антропологическая революция

Смысл истории, «мистерии поступков» – становление человека. На планете разворачивается своего рода эволюционное соревнование: восстание личности против власти традиций и тирании стереотипов, сопряженное с бунтом нового поколения элит. Необходимость ориентироваться и действовать в распределенных по странам и весям анклавах нового мира предьявляет запрос на высокоорганизованного индивида,

обладающего развитым интеллектом, культурным капиталом, владеющего разнообразными искусствами и уникальными компетенциями. Мы наблюдаем пришествие личностно-ориентированного общества – людей, имеющих возможность веско заявить о себе, эффективно сочетая современный инструментарий с мыслью и действием.

Провозглашенный было конец истории, не наступил ни в прошлом веке, ни в нынешнем. История, однако, споткнулась, переживает кризис – *«время вывихнуло сустав»*: в мире совершается универсальный переворот, и это эпохальный перелом. Линейная, последовательная версия социальной эскалации – свойство определенной ментальности. Сегодня меняется само представление об истории как осмыслении былого, будущее становится важнее прошлого, прогностика вытесняет нарратив летописания, а эхо происходящего уводит за горизонт. Доминанта интереса смещается от каталогизации событий к постижению результатов и рецептуры новизны. Поток времени, вливаясь в океан актуальных коллизий, размывает русло общей судьбы, разделяется, образуя дельту, дробясь на все более многочисленные протоки и сюжеты. Искусство аналитики – угледеть в этом разнообразии новое и важное.

Сложнее всего увидеть и осознать иное. Размышляя о грядущем строе, мы как-то упускаем мысль, что процесс перемен может оказаться ускоряющимся и, возможно, перманентным статусом мира, став новой нормой. Что при этом не вполне очевидно – будущее уже присутствует и прорастает с различной скоростью в настоящем, пролагая пути в идеях, людях, их намерениях, действиях. Мы создаем будущее, соучаствуя в грандиозном предприятии, интуитивно постигая контур возводимого здания, разрабатывая проекты и воплощая фрагменты футур-истории. Изменяются системы управления, география и природа влияния, возникают субъекты действия, слабосвязанные с прошлым, наднациональные центры развития, проявляются неформальные персонажи, играющие по своим, не слишком внятным для остальных правилам. А столь часто поминаемая *глобализация* сопровождается *индивидуацией* – генерацией людей нового века. Ключевых же игроков у истории сегодня два.

Во-первых, пассионарная волна интернационального многолюдья. Численность людей на планете в прошлом веке прирастала миллиардами, росла сумма активных индивидов, их связей, бродильных ферментов, переплетающихся и автономных сюжетов. С какого-то момента инертные прежде массы приходят в движение. Глобальная индустриализация, демократизация, десегрегация, деколонизация, наличие современных транспортных средств, устройств и услуг, обилие и разнообразие коммуникаций, их ценовая доступность, скорость и универсальность распространения информации резко повысили интенсивность и объем взаимодействий, отменяя пространственные ограничения. Государственные границы становятся менее значимыми, проницаемыми, постепенно исчезая с карт повседневности. Массы – перемещаются и перемешиваются, индивиды – устремляются и развиваются, фанатики и парии декларируют собственные претензии миру, порой убийственным образом, эксплуатируя активы *культуры смерти* (возможность произвольного, целенаправленного распоряжения этим особым, неотчуждаемым от человека ресурсом). Антропоток беженцев заливают Европу (и не только), растворяя прежний строй.

Восстание масс обретает второе дыхание, подрывая прежние и утверждая новые, разноречивые социальные и прочие стандарты. Но главное – это бурлящее многолюдье, заместив решительностью культурные установления современности, получило доступ к эффективным инструментам, созданным гением технической цивилизации. Причем

используются как конструктивные, так и деструктивные возможности: «люди воздуха» и социопаты, хакеры и террористы обустройствают собственные сценарии перемен, соучаствуют в борьбе за свою версию будущего, используя технические и технологические достижения эпохи.

Мир как корпорация людей

Другой игрок – личность нового типа. Мы определяем будущее и познаем судьбу, используем шансы и осмысливаем риски, отходя от стереотипов и обобщений.

В антропологической вселенной зажигается, мерцает, гаснет множество звезд, а в предпринимательской сфере властно утверждается влиятельный персонаж – *manterpriser* (*man* – человек; *enterprise* – предприятие), человек-предприятие. В числе оных – Илон Маск (SpaceX; Tesla), энигматичный «Сатоши Накамото» (Bitcoin), Ма Юнь (Alibaba Group), Джефф Безос (Amazon, Blue Origin), Сергей Брин и Ларри Пейдж (Google), Билл Гейтс (Microsoft), Марк Цукерберг (Facebook), Ричард Брэнсон (Virgin), Майкл Блумберг, Уоррен Баффет, Шелдон Адельсон, Ли Кашин, Карлос Слим, Мукеш Амбани, Азим Премжи и подобные им. Личностный суверенитет, персональная позиция преобразуют деятельные пространства, изменяют рубежи лояльности, трансформируют принадлежность к сообществам, усложняя коды практики.

Россия, фактически, состязается сегодня не с Европой, США или Китаем, а с обобщенным «Илоном Маском», но для нее это не вполне очевидно. Вот кейс из хроник нового века, своего рода письмо из будущего. Примером возможностей частных инициатив в техносфере и социальной среде с некоторых пор служит деятельность инициированных Илоном Маском корпораций Tesla и SpaceX, расширяющих образ практики, вводя в общественное сознание и повседневность электрические и беспилотные автомобили, частные космические запуски, гиперлуп (вакуумный поезд) и т.п. Некоторое время назад Илон Маск подал в американскую Комиссию по связи заявку на организацию орбитальной спутниковой сети для глобальной коммуникации, намереваясь запустить несколько тысяч (4425) мини-спутников. В результате жители Земли получают доступ к беспроводному спутниковому интернету со всеми вытекающими следствиями (т.е. универсальный, независимый от земных сетей доступ к информации и связи).

Переход от индустриальной эпохи к высокотехнологичной формации, хай-хьюму, нелинейной новизне не просто изменяет, но драматизирует, приватизирует и мультиплицирует историю. Новое общество стимулирует трансграничность, нуклеаризацию и кооперацию, синергию официальных и частных форматов, развивая их партнерство и конкуренцию. Акцент, однако, переносится с регламентированных, обезличенных, бюрократических учреждений на мобильные коалиции, хабы различной этиологии, амбициозные корпорации, гибкие и решительные агентства прямого действия, созвездия интернациональных талантов, меритократичные кластеры, демонстрирующие проактивность и предприимчивость. Реализуется также переход от формально обоснованных стратегий к персонализированному управлению событиями, используя инсайты будущего – технологическую, социальную, правовую новизну, умение действовать в условиях перманентного транзита. Доминантные взаимодействия интересов и ценностные преобразования будут разворачиваться уже внутри данного слоя.

Современное же мироустройство, не выдерживая перегрузок эволюционного ускорения – умножения масс, развития технологий, социокультурного разномыслия и внезапных возможностей, утрачивает былую определенность. Национальное государство как институт сохраняется, однако его содержание усложняется, диверсифицируется, приобретает комплексный характер, а унифицирующее значение при этом девальвируется, удельный вес в протееобразной среде снижается. Расширяется спектр политической организации, меняются формы и содержание внешних связей. В персонализированном интернационале модифицированные кланы, трансграничные группы, возглавляемые эффективными менеджерами, получают преимущество при специфической запутанности и проницаемости человеческого космоса – неевклидовом пространстве индивидуальных и командных состязаний. Сложившиеся ранее институты и регламенты играют все менее значимую роль. Это своего рода предвестие грядущей схизмы и момент истины цивилизации: инициация совершеннолетия либо сокрушение основ при общей дискредитации протоколов (*ex injuria jus non oritur*).

Действительно, новизна решений и быстрота выбора сопряжены с умножением девиаций, трактовок, ценностными конфузиями и прочими неопределенностями. Войны как предельные формы коллизий и агрессивных коммуникаций могут обрести перманентный статус и носить частный, корпоративный, дисперсный характер, соединяя и перераспределяя ресурсы и ареалы конкуренции прайдов, образуя гибридный мир. Государственная власть как ограждение, удерживающее подвижное многолюдье от экстримов практики с некоторого момента существенно ослабевает.

Комфортная цивилизация – это зыбкая реальность, преходящая иллюзия и моральная головоломка с привкусом амбивалентности решений. Каскад проблем и бифуркаций повышает уровень рисков и неустойчивость ситуаций. В теле цивилизации образуются червоточины и умножаются вероятности. Удержание равновесия в подобной среде представляется все более сомнительным: планетарная конструкция напоминает перегретый котел, приподняв крышку которого, видишь мир, приближающийся к турбулентности.

Нервы мира

Мир сегодня – под тектоническим ударом. Подчиняясь гравитации будущего, современность деформируется, развоплощается и растворяется в водах истории. Обилие перемен провоцирует сбой гармоник, ценностную дезориентацию, моральную уязвимость. Сплетения динамичных сообществ беременны генерацией странных талантов, пассионарных индивидов, экзотичных институтов.

На планете идет обширная адаптационная и революционная перестройка. Затрагивает она международные системы управления, военную и хозяйственную организацию, архитектуру социокультурных молекул («семьи»). Мы наблюдаем комплексную персонализацию политики, девальвацию и обрушение обезличенных партийных структур параллельно с генезисом надпартийно-личностных стратагем и предприятий: феномены Дональда Трампа в США, Эммануэля Макрона в Европе, Владимира Путина в России, Реджепа Эрдогана в Турции, попытка преобразований Си Цзиньпина в политическом регламенте Китая, равно как прочие признаки и призраки гуляющей по миру политической реконфигурации, включая «чудо Brexit'a».

Что такое, в сущности, победа Дональда Трампа? Во внутренней политике – пример прямого действия коалиции влиятельных персонажей, социополитическая и

стилистическая революция, синтезирующая персонализм, популизм, креативность. И яркий симптом перемен, в данном случае – кризиса политического истеблишмента США в том виде, в каком он существовал. Ситуация с нарастающим правым консерватизмом также должна была найти некое разрешение (хорошо темперированное подобие «американской весны»). Во внешней – Америка, властно корректирует логику перемен, переходя от долгосрочных интеллектуальных обобщений и океанических коалиций Барака Обамы (в русле идей глобального лидерства как ферментирующего руководства) к практике глобального доминирования и национально-ориентированного геоэкономического действия. По своей же сути, это еще и провокация утверждающейся реальности против институтов международной бюрократии, вписанных в миропорядок современности, – возвращающаяся волна наступательного реализма, генерализованная как эксцесс персоны (*солитон*). Brexit же, восточноевропейское ворчание и национализация панъевропейской идеи, равно как другие континентальные пертурбации, – аналогичные знамена перемен, кризиса унифицированных организационных и идеологических механизмов, но уже Европейского Союза.

На наших глазах происходит приватизация будущего. Политическая культура, опирающаяся на бюрократизированные, олигархичные структуры, проигрывает историческое соревнование с инструментально аранжированным обществом мотивированных индивидов, интегрированных вторгающейся в текущую практику неопознанной культурой. Возникли и умножаются децентрализованные, неподконтрольные государствам высокотехнологичные финансовые системы, чей центральный банк смещен, если не в область криптофизики, то деятельной абстракции. Яркий пример – рынок криптовалют: старый и новый (cash) биткоин, разделившийся эфириум, риппл, лайткоин, даркоин, прочие альткоины. В различных местах появляются фабрики по их производству, биржи по котировке, центры конвертации. Кстати, те, кто лет семь назад вложил несколько сотен долларов в экзотичный финансовый инструмент, несмотря на его высокую волатильность сегодня являются долларовыми миллионерами.

Вот еще кейс – американская администрация какое-то время размышляла над идеей замены остающихся в Афганистане армейских частей на обеспеченный сложной техникой контингент частных консультантов, причем с определенным экономическим эффектом. Речь, в сущности, шла не просто об использовании ЧВК, но комплексном аутсорсинге военной пасификации региона. Нечто подобное просматривается, кстати, в логике становления российского рынка наемников с поправкой на разнообразие олигархических стратегий и привластных подчиненностей подобных структур: «ЧВК Вагнера», «ЧВК Патриот» и т.п. При глобальной дестабилизации могут проявиться и транснациональные частные миротворцы различного генезиса. Оптимизируются также решения других задач посредством приватизации привычно государственных в прошлом функций: частные тюрьмы, разведка или тот же частный космос.

Топография социума меняет систему координат; стремление к обладанию новизной доминирует над индустриальной экспансией. Города планеты – физические и виртуальные сгустки связей, становятся автономными персонажами социополитической географии. Агентство 2thinknow Innovation Centre Cities регулярно публикует рейтинг инновационного потенциала городов, оценивая его с позиций инновационной экономики и подразделяя на 5 кластеров: *сплетения* (pexus), *хабы* (hub), *узлы* (nod), *продвинутые* (advanced), *стартапы* (upstarter). В сущности, это

классификация по степени проникновения за горизонт событий (probing) и обратного влияния на мир. Последний по времени индекс так представлял дюжину лидеров – генераторов идей и лекал будущего: Лондон, Нью-Йорк, Токио, Сан-Франциско-Сан-Хосе, Бостон, Лос-Анжелес, Сингапур, Торонто, Париж, Вена, Сеул, Амстердам. ²

Значение *геополитики* ослабевает, из военно-географической сферы она перемещается в область транспортных, энергетических, прочих коммуникаций. И далее трансформируется в *геоэкономические* конструкты – сегодня контроль/управление деятельными пространствами, экономическая диверсификация, наличие высокотехнологичных локусов важнее обладания земными территориями. Культура и образование, развитие интеллекта и социальной инфраструктуры, уровень цивилизованности населения и обустроенность общественных связей выходят на первый план; социокультурная гравитация одних ареалов и токсичность других преобразует картографию человеческой вселенной (*геокультура*). Если же пристальнее взглянуть за горизонт текущих событий, приоритет придется отдать *геоантропологии* – сумме процессов и ситуаций, возникающих при распределении и перераспределении человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик.

Борьба за будущее

История России последних десятилетий по-своему отражает постсовременную трансформацию. Вслед за крахом партократичных структур советского государства-организации (изначально претендовавших на глобальное футуристическое лидерство), мы наблюдаем кризис российского госаппарата, все чаще функционирующего в режиме осажденной крепости и ручного управления. Феномен «теневого политбюро» и провокативного руководства Владимира Путина подтверждают тенденцию.

Обретение будущего – возможность, не гарантированная движением стрелок (в традиционных часах они идут по кругу), его можно как обрести, так и утратить. У социального времени иной, *субъективный* циферблат, другая шкала расчетов: будущее обретается, употребляя усилия, исправляя огрехи, однако прошлое способно к агрессии и экспансии. Мир сегодня – расколотый, динамичный пейзаж, его футуристика фрагментарна, она перемежается с территориями индустриального быта и лоскутной архаикой, как явной, так и декорируемой под культурную традицию, конфессиональную позицию, национальное сопротивление. Подобно ряду постсоветских и постколониальных сообществ РФ испытывает кризис идентичности и целеполагания, оказавшись в полосе отчуждения от актуальных вызовов, рискуя разделить участь слабых звеньев цивилизации (e.g. Африканская зона нестабильности).

Политические нестроения в постсоветской среде – следствие проблем, связанных в том числе с имперской деконструкцией и национальной реконструкцией, но не только. Национальная самоидентификация и реабилитация реализуются посредством политического, культурного, морального переворота и личностной реституции. Переход от традиционалистских конструкций и радио индустриализма к сложному, массово-персонализированному обществу происходит на наших глазах, но не в РФ. Испытывая дефицит самоорганизации, культурного и морального капитала, «звезд в ночи», страна пребывает в интеллектуальной, социальной растерянности и лабиринтообразной симуляции продвижения. Сложившийся здесь формат отношений, вместо личностного

---

² Innovation Cities™ Index 2016-2017: Global. URL: <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-2016-2017-global/9774>.

роста, интеллектуального и морального лидерства, социального конструктивизма, слишком часто демонстрирует недобросовестность, невежество, сервизм, произвол, уничтожая и минимизируя столь ценимые в новом веке активы: статус человека, общественные коммуникации, социальный энтузиазм. Доминантными же ценностями утвердились денежный доход и авторитетная силовая/чиновничья позиция. При этом богатство осознается преимущественно в финансовых категориях и воспринимается не как высокий уровень организации, энергия развития, инструмент перемен, но в материальном, количественном, компенсаторном измерении: как имущество, престиж, наследие. Достаточно вспомнить выразительное «дворцово-усадебное соревнование».

Российский народ лишен субъектности (центральная проблема), субъектом является олигархический слой, монополизировавший власть и проецирующий волю посредством формирующейся номенклатуры. Гротескная неофеодализация страны и клептократизация властей, политическая и социокультурная автаркизация, милитарно-сословный строй, правовое положение в котором определяется не законом, а статусным рангом и имущественной позицией, перестают быть преувеличением, карикатурой. Соответственно сокращается спектр возможностей, сжимается горизонт планирования, обнажая кризис будущего. Дефицит внутреннего развития компенсируется и замещается внешней экспансией. Потенциальный субъект перемен, являющийся бенефициаром нынешней трофейной системы ³ многоаспектной «рентономики», будет скорее имитировать, нежели эмитировать будущее, поскольку стремится сохранить ситуацию, сопряженную с обретенными преимуществами (приватизация прибыли/национализация убытков), обоснованно предполагая свою уязвимость при перемене участи.

Реконструкция Российской Федерации так или иначе неизбежна, практически все ситуации имеют пределы и транзитны. Есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. Вопрос не в том, имеются ли решения, вопрос в их опознании, характере, цене и последствиях. Критическое значение имеет выбор эволюционной стратегии – маршрут движения важнее скорости, однако и на перспективном направлении продвижение требует усилий. Предпринимаемые сегодня действия не являются результатом стратегического целеполагания или политического компромисса, они вынужденный результат кризиса – развитие нестроений ведет к нарастанию перемен. Прошла рябь кадровых изменений, грядет волна все более обесценивающихся деклараций и латающих систему конъюнктурных, волюнтаристских мер, которые изберут к добру или худу. Умножение нерешенных проблем рискует существенно превысить возможности адаптации нынешнего модуса управления и кадрового корпуса к сумме критических обстоятельств. Перегрузка же централизованной, ригидной модели при отсутствии политической инфраструктуры общества влечет фактические проявления олигархической и региональной самостийности при сохранении формального оммажа тускнеющей оболочке.

Следующая полоса пертурбаций – федерализация этнополитического ландшафта, городская революция, правовая и социальная дестабилизация. Неочевидная хрупкость эклектично склеенной конструкции становится явной с исчерпанием способов экстраверсии проблем, истощением имитаций и

---

³ Социо-экономический феномен *трофейной экономики* – процесс сужающегося воспроизводства за счет непроизводительного, хищнического использования властными структурами и обществом унаследованных/захваченных/непроизведенных ими (ср. «халява») природных, цивилизационных, прочих материальных и нематериальных ресурсов, снижающий уровень потенциальных возможностей системы, ухудшая ее общий статус и будущее состояние.

пропагандистской мимикрии, переходом к жестким проекциям власти. Последнее прибежище управленческой мегаломании – грезы о десуверенизации окружения, Wunderwaffe, «лебединых фермах» и т.п., отражают уже не столько приязнь к негативной диалектике и профанированной апофатике, сколько ресентимент и помрачение духа.

«Национальные очки сильно искажают стратегическую картину» (сэр Алан Брук). Определенный ресурс для цивилизационной синхронизации, ухода от неорархаизации и превращения страны в динамичную политическую нацию – размышления над дорожными картами провалов/достижений постсоциалистических стран и 14-ти (и более) субъектов постсоветской суверенизации: балтийских, закавказских, центрально-азиатских, чьи исторические траектории были так или иначе сопряжены с имперской судьбой. Особенно интересен опыт национального строительства в странах со схожей в ряде аспектов проблематикой: Украины, Беларуси, Молдовы, но также стран Вышеградской группы, прочих членов распавшегося «соцсдружества». Вскрывавшиеся проблемы, алгоритмы их купирования, возникавшие расколы, смысловые доминанты, проигранные взаимодействия и попытки автокоррекции элит, модели генезиса и способы консолидации параллельного общества, реконструкция правовой сферы, формулы регионального обустройства, – все это сведения не лишние для эффективной прописи перемен. Важна также ориентация в глобальном калейдоскопе, понимание методологических и прогностических аспектов происходящего транзита.

Развитие – это далеко не только успешное умножение материальных ценностей или искусство операций, но, главным образом, развитие человека, сообщества, перемены в ментальности. Россия, пережив антропологическую катастрофу (отрицательную селекцию), к сожалению, зачарована, иначе не скажешь, подростковой логикой и методами прошлых столетий. Но постоянно воевать против кого-то, запрещать что-то – ментальность рефлекторно-охранительного свойства, в то время как актуальная проблема – комплексная социальная терапия, обретение динамической устойчивости при неотвратимости, многообразии перемен и вариативности нелинейного будущего. Его созидание, удержание, освоение.

Аннотация. Мир переживает кризис перехода, который на данном этапе стимулируется двумя факторами – следствиями *tour de force* цивилизации: реальностью глобального массового общества, получившего доступ к достижениям современности, а во-вторых, – революцией элит как класса и как личностей. Трансформируется система международных отношений, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура внешнеполитических организмов. Национальное государство утрачивает былую исключительность, в интернациональном космосе состязаются также иные форматы политической организации: геэкономические интегрии, влиятельные антропо-социальные сообщества – власть вне государственности, обновляющие систему мировых связей. Растут дисперсность мироустройства и трансграничная мобильность, мировой рынок обретает черты особого миропорядка, усложняется элитный зонтик как регулятор власти. Генеральный тренд исторического процесса – движение от индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту сложного креативного общества. Переход от радио индустриализма к высокотехнологичной формации, хай-хьюму, нелинейной новизне не просто изменяет, но драматизирует, приватизирует и мультиплицирует историю. Подобно ряду постсоветских и постколониальных сообществ Россия оказалась в полосе отчуждения от актуальных вызовов времени.

Ключевые слова: цивилизация, будущее, мироустройство, элита, трансформация, сложность, прогнозирование, Россия.

XXVIII Economic Forum

Krynica Zdrój, Poland, 4-6 September 2018

Panel: "The Greater Middle East: Gordian Knot or the Field of Confrontation of the Superpowers?"

Report: Alexander Neklessa "ISIS as Soft State (State as Organization)"

«Исламское государство» как феномен государства-организации

От государства-утопии к постсовременному акционизму⁴

«Исламское государство»⁵ – своеобразный симулякр с головокружительной ретроспективой. Динамичная, территориально распределенная реальность ИГ, не являясь национальной государственностью, может рассматриваться как неоархаичный и одновременно постсовременный извод государства-организации. В согласии с канонами общества спектакля его эластичная плоть интерпретируется также как социальный демарш против меланхолии цивилизации – реконструкция агрессивно-эскапистских грез в стилистике à la «Дюна». Макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, треволнений New Age, верифицирует свой статус миражами исторического прорыва с отличными от мейнстрима картами будущего.

Заметен кризис прежней формулы размежевания региона в пользу этно-конфессионального распределения территорий. Все это наиболее ярко проявилось в калейдоскопе ИГ, иракско-сирийские руины и ингияз («временное отступление») которого – повод задуматься о перспективе, ретроспективе и сути данного явления.

Мы не нанесли поражения идее, мы даже не понимаем эту идею.

Майкл Нагата, командующий USASF на Ближнем Востоке

Афразийская зона нестабильности, смута Большого Ближнего Востока перерастают региональные рамки, формируя иной геополитический пейзаж и лексикон. В актуальной сирийской комбинаторике, к примеру, так или иначе соучаствуют несколько десятков субъектов международных отношений со всех континентов. Кроме того, меняется сугубо географическое прочтение процесса, обретающего новые измерения. Заметен кризис прежней формулы размежевания региона в пользу этно-конфессионального распределения территорий. Все это наиболее ярко проявилось в калейдоскопе ИГ, иракско-сирийские руины и ингияз («временное отступление») которого – повод задуматься о перспективе, ретроспективе и сути данного явления.

⁴ «Исламское государство» как феномен государства-организации © Александр Неклесса, 2018. ISIS as a Soft State (State as Organization) © Alexander Neklessa, 2018. This article is a part of "The Creation of Future" Project (COF Project).

⁵ ИГ, ИГИЛ, ДАИШ, al-Dawla al-Islamiya fi al-Iraq wa al-Sham – террористическая организация, деятельность которой в России запрещена – Ред.

«Исламское государство» – своего рода гордиев узел: матрица идентичности и политический феномен с неопределенным статусом, дополненный конъюнктурными геоэкономическими обстоятельствами. «Когда мы говорим об ИГ, нам не следует думать исключительно о долине реки Евфрат – это глобальная проблема. Мы воспринимаем ИГ в глобальном масштабе, и в таком контексте остатки физического халифата представляют собой лишь одно из его проявлений», констатировал на одном из брифингов генерал Кеннет Маккензи, представитель Комитета начальников штабов ВС США.⁶ Действительно, ИГ – это не просто разветвленная подпольная организация, наподобие Аль-Каиды, а специфический вселенский агрегатор – сложное сплетение явлений, намерений и ситуаций, рабочая модель некоей постсовременной государственности как политически организованного сообщества, обоснованного волеизъявлением, а не территорией. Рано или поздно нечто подобное должно было появиться и в исламских одеждах.

Эта страна – существующая поверх границ динамичная совокупность людей, объединенных совпадающими помыслами и целями. Видимая часть комплексной конструкции, ее мигрирующая манифестация – распределенное множество территориально зыбких, протееобразных но властно, милитарно и логистически организованных вилятов (knots), лояльных подвижному центру (nexus). К региональным архипелагам-сцеплениям, эклектичным конъюнктурным союзам (hubs) примыкают «серые» зоны идеологической оккупации, многообразные мобильные взаимосвязи, виртуальные и антропологические сети (nets), «спящие ячейки», невидимые бригады (nests), скрытые в волнах мигрантов и беженцев, растекающихся по планете, иницируя образования (startups) с различной судьбой, в разных частях планеты.⁷ Трансграничное население конфессионально и политически сопряженной «параллельной общности» обитает в рамках собственного понимания должностований истории. Их моделирование практики – вне кокона политкорректности и воплощается в прямом действии: предъявлении *ugbi et ogbi* не опыта критической рефлексии, но провокативной, лишенной сантиментов акции.

Впечатляет «тефлоновый» характер феномена, его эволюционные возможности, вирулентная природа – способность к выживанию и клонированию, трансформации и адаптации, растворению и конденсации. Колоссальные усилия по санации очевидным образом приносят результат, но подобно лернейской гидре – вместо одной зачищенной территории образуются новые, возникая порой в дальних регионах и на других континентах. При этом деятельный фундаментализм ИГ обращен все-таки не столько на реабилитацию прошлого, сколько на реконструкцию будущего.

«Халифат в изгнании» как идея, имеющая основания, но лишенная привычных форм воплощения, способен перестроить региональное *государство-организацию* в

⁶ Брифинг представителя Комитета начальников штабов ВС США генерал-лейтенанта Кеннета Маккензи (5.04.2018). URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5099710>.

⁷ Интересен в этой связи иной по характеру, но в некоторых типологических аспектах схожий исторический опыт Подпольного Польского государства (ППГ), эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации. «Делегатура правительства на Родине» сумела привить обществу существенные элементы структурированной гражданской организации, соединив автономную от оккупационных властей социальную самоорганизацию с параллельной властной ее организацией, создав при этом деятельные формы специфического противостояния оккупационному режиму. Отдельные черты феномена проявились впоследствии при формировании движения «Солидарность» и даже в «оранжевой», «потешной» феноменологии Вроцлава (связанной также с голландским контркультурным опытом), в свою очередь стилистически повлиявшей на «оранжевую революцию» в Украине.

сложно-организованное трансграничное *государство-предприятие*, владеющее крупными нематериальными активами (кадровым, интеллектуальным, социальным, символическим и культурным капиталом), обладающее зонтичным брендом и применяющее агрессивные технологии серого/черного бизнеса.

Спектр «продукции-деструкции» комплексной корпорации может расширяться за счет безжалостного применения кибер-оружия, аутсорсинговой модели *uber-терроризма*, синхронизации операций кадровых интимаси («исламистский спецназ») и истишхади с массовыми действиями внешних и спонтанных «солдат халифата» как антропологического оружия. Возможны новые формы использования гражданских средств и предметов двойного назначения, стай автономных и беспилотных механизмов, мотивирующей аудио/видео медийной пропаганды (чувственной, объемной виртуализации идей) и нетаргетированных смысловых продуктов с отложенными эхо-эффектами. Или, к примеру, культур-шока как стратегии уничтожения культурного наследия, но уже не в Афганистане, Пальмире или Мосуле, а непосредственно на территориях евромира, подрывая символический капитал современной цивилизации. Обретение же экстремист-футуристами высокотехнологичных инструментов, перманентно производимых техногенной цивилизацией, модификаций ОМП либо аналогичных по мощи средств при отсутствии у ИГ стандартных опасений относительно ответного удара, способно существенно повлиять на режим безопасности на планете и характеристики силового противостояния в целом.

Война менее других искусств подвержена иллюзиям и более других нацелена на результат, это особый взгляд на реальность. Параллельным проектом могло бы стать создание автономной, легальной, но фактически дочерней структуры (версии, крыла), применив, отчасти, опыт организационной динамики ИРА, ЭТА или Хизб ут-Тахрир. Распределенное множество лояльных идее/центру идеолого-культурных сообществ, вписанных в юридические порядки современности, но так или иначе включенных в мозаику «Исламского государства», дополняют военно-политический конструктивизм. Подобное глобальное предприятие, подкрепленное социальным сопряжением (виртуальным квази-гражданством), может конкурировать с другими «большими проектами» за значимое присутствие в складывающемся постсовременном строе.

Неоархаика в сценографии постмодерна

Как ни парадоксально, но суть феномена, помогают прояснить «темные строки истории», позволяя также точнее моделировать футуристические горизонты.

Ислам плохо сочетается с идеей национальной государственности – продуктом иной эпохи и культуры. Динамичная, территориально распределенная реальность «Исламского государства» не является характерным для Нового времени форматом *nation-state*, по-своему отражая кризис данного института. ИГ может рассматриваться как неоархаичный и одновременно постсовременный извод особой полит-конструкции – государства-организации, чьи характерные черты: обязательная к исповеданию конфессия или идеология, утверждаемая властной номенклатурой, культ лидера, утопизм претензий и глобальность притязаний, нетерпимость к инакомыслию, преследование диссидентов, уничтожение наследия иных культур.

Возникающие на геополитически нестабильных пространствах (*limitrophus, shatterbelt*) в разрывах политического текста *травматические инклюзии* [Неклесса

2015: 280] проявляют подобные тенденции и, обладая частичным набором данных черт, представляют феномен в становлении с различной степенью завершенности. Взаимоотношения же с внешним миром не ограничиваются охранительным консерватизмом, демонстрируя подчас наступательный футуризм. Новые политические конструкты предстают как образцы постсовременного универсализма, равнодушного к территориальной верификации собственной значимости, так и в виде неоархаичных полигонов суверенности, демонстрирующих худшие черты насильственного утверждения тех или иных грез о судьбах мира.

«Исламское государство» – впечатляющий вызов современным ценностям, однако, что не вполне очевидно – это еще своеобразный религиозно-революционный акт постмодернистской кооперации в преобразовании мира (джихад как соборное усилие, направленное на обновление в соответствии с конфессиональным идеалом). В согласии с канонами общества спектакля эластичная реальность ИГ может интерпретироваться и как (1) квази-исторический симулякр с головокружительной ретроспективой, и как (2) социальный демарш против меланхолии цивилизации – своего рода «творимая легенда», реконструкция агрессивно-эскапистских грез в стилистике à la «Дюна»⁸ («фримены, свободные от лжи и иллюзий», «быть частью чего-то большего», «сражаться за что-то») [Cottee Simon 2015]. Присущие ИГ активизм, акционизм, футуристичность, элементы франчайзинга, «исламистского коммунизма», вкупе со спорадически вылетающими из его чертогов «черными лебедями», – все это находит отклик у людей, фрустрированных современностью, особенно молодежи [Cottee Simon 2015]. Деятельная метафизичность устремлений, наличие значимой цели, коллективная суверенность и субъектность оказываются предпочтительней участи прагматичного индивида-объекта.⁹

Макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, треволнений Нового века схожим образом верифицировала свой статус миражами исторического прорыва, предъявив свой путь в будущее. «Зеленый ковчег» мыслится симпатизантами и прозелитами как исход из постылого существования – экзистенциальный опыт и конвертация отчуждения в преобразующее мир культур-конфессиональное сообщество, обладающее отличными от мейнстрима картами футур-истории. Синтез влиятельной, массовой инициативы, невостребованных или исключенных из оборота талантов с отвращением-притяжением к обществу гламура, сублимирует отверженность в избранность, изгойство в индивидуальный героизм, маргинальность – в холодок фронта. Продвижение к универсальному джихаду прочитывается как личностный и социальный переворот, битва за будущее, сакрально мотивированное обновление собственной судьбы и траекторий ойкумены. А все более осязаемый гностический привкус жесткого разделения людей на избранных и отверженных достигает тем временем апофеоза, меняясь и мигрируя от презрительного уничтожения «других» к практике их физического уничтожения.

---

⁸ Как пишет пользователь Twitter с ником Vint Emergent: «Суть такова, Исламское государство – это классическая жертва несправедливости из области научной фантастики, которая, несмотря ни на что, сражается с кажущейся непобедимой империей зла Америкой – и в лучших традициях научной фантастики они побеждают». URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/isis-jihadi-cool/421776/>.

⁹ «...у ИГ бездонный источник для вербовки молодежи на следующие 35 лет, и, как говорит ИГ, битва только началась. Вы Не Готовы». URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/isis-jihadi-cool/421776/>.

Соединение постсекулярных претензий с атмосферой постсовременного креационизма стимулировало рост иностранцев-боевиков в рядах ИГ. Перед иракским и левантийским разгромом их численность оценивалась примерно в 30 тыс. человек¹⁰ из 86 стран, включая примерно 5 тыс. из России¹¹. В противоположном направлении устремлен людской поток преимущественно из Сирии и Северной Африки, вливший за последние годы на территории Старого Света несколько миллионов беженцев.

Являясь вирусным проектом и контркультурным фетишем, реализованным в исламо-ориентированной среде, но с универсальным потенциалом, Dawla al-Islamiya оказывается субъектом эволюционной конкуренции прототипов постсовременной наднациональной организации. Обладая зонтичным брендом интегральной субъектности и коммуникации ИГ получает шанс стать трансграничным геокультурным предприятием, амбициозной глобальной корпорацией, обладающей эффективными мобилизационными кодами, социальной и культовой перспективой, не слишком зависимой от реалий конкретного «Исламского государства» и его будущей судьбы.

Воплощение утопий

Феномен ИГ в значительной мере исламский постольку, поскольку реализуется в исламском мире и анализируется соответствующим образом. Но экзотичная оболочка подчас скрывает сущностные черты, опознание которых – задача аналитики. Ретроспективный анализ, рассматривая аналогичные в чем-то процессы, разыгранные историей на других подмостках и в иных одеждах как кейсы бродячего сюжета, позволяет четче формулировать предположения и точнее фокусировать прогнозы.

Генезис больших исторических проектов нередко совмещался с попытками воплотить утопию как идеологическую оккупацию, реализуемую посредством организованного насилия. Именно утопизм как нереализуемость идеи стимулирует экстремизм, стремясь любой ценой к земной реализации идеала. Утопия принуждает, приучает к насилию и оправдывает его, привычка же к насилию утверждает тиранию – так химеры и монстры обретают власть. Транслированная в партийность, утопия становится обоснованием и средством легитимации тоталитарной структуры управления.

Сопрягая спотыкающуюся устремленность к торжеству идеала с нетерпимостью к иным воззрениям, утопизм порождает химеры. Его адепты подобно Виктору Франкенштейну пытались сшить идеальное тело из отторгнутой, конфискованной плоти многочисленных жертв, декларируя фальшь и уничтожая «враждебных других» той или иной природы.

---

¹⁰ Данные 2015 года аналитического центра Soufan Group. Эксперты: около 30 тыс. наемников из 86 стран воюют на стороне ИГ. 2015. *Международная панорама ТАСС*. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2510144>.

¹¹ «...число завербованных граждан России в состав ИГИЛ оценивается в 5-7 тысяч человек <...> В отчете международной кризисной группы от 2014 года предполагается, что число жителей стран Средней Азии в рядах ИГИЛ оценивается в 2 до 4 тысяч человек». Холзода Нурмухаммади. (2015). От России до «Исламского государства» – чем «промывают» мозги мигрантам? URL: <http://rus.ozodi.mobi/a/27129082.html>. Аналогичную цифру приводит в своих выступлениях председатель программы «Религия, общество и безопасность» Московского Центра Карнеги Алексей Малашенко: «там очень много кавказцев, много выходцев из России, – от 5 до 7 тыс.». Магомедов Магомед, Шведов Григорий, Малашенко Алексей. (2015). Северный Кавказ: старые новые проблемы? (беседа). URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27458041.html>.

Взрывчатая смесь фрустрированной мысли и футуристичной практики возникала в различных обществах, объем текста позволяет упомянуть лишь несколько «пустот, которые зло создает в наших сердцах и нашей истории»¹², относящихся к разным регионам и культурам. В списке *конфессионально-ориентированных утопий*, вероятно, следует упомянуть своеобразное сетевое государство (1090-1256) – авторитарную коммуну ордена ассасинов (низаритов-хашишйа), организация и действия которого содержат яркие параллели с практикой «Исламского государства». ¹³ Однако феномен утопичной парарелигиозной государственности не является исключительным достоянием исламского культурного круга. Так, например, заря Реформации в *Universum Christianum* была схожим образом окрашена утопизмом в кровавых тонах: табориты Яна Жижки и пикарты, «движение башмака», крестьянская война в Германии...

Ряд характерных черт теократической государственности *Исламского государства* можно разглядеть в истории становления и упадка *Анабаптистского государства* (Täuferreich) – Мюнстерской коммуны (1534-1535), соединившей местных и пришлых единоверцев с тоскующими о будущем изгоями и неофитами, привлеченными радикальностью переворота. «Новый Сион» с харизматичными лидерами (*пророками*), идеологическими комиссарами (*апостолами*), организаторами (*конспираторами*), пропагандистами (*проповедниками*), провозглашался «реституцией христианского учения, веры и жизни». Возникло теологическое и политическое предприятие, предложившее радикальное и одновременно редуцированное решение проблем земного мироустройства в виде Христианского царства (Christendom) как версии «халифата» во главе с земным правителем.

Мюнстер стал городом-государством, инспирировавшим множество подвижных филиалов, связанных воедино пропагандой строительства Царства Божия на земле и претензией на глобальную власть: его эмблемой был земной шар со скрещенными мечами. По мере извлечения моральных стержней из человеческого реактора, планировались восстания в других городах, множились автономные вооруженные бригады, велась пропаганда и вербовка сторонников во внешнем мире, параллельно с истреблением «безбожников» и чистками во внутреннем круге. Заодно уничтожались «неправильные» религиозные и культурные объекты: храмы, скульптуры, картины, книги, рукописи. Вводились специфические институты: общность имущества и

---

¹² Папа Франциск. (2015). «Там, где нет памяти, зло все еще держит рану открытой». URL: http://ru.radiovaticana.va/news/2015/04/13/обращение_папы_франциск_к_армянскому_народу/1136350.

¹³ Вот популярное, но концентрированное описание истоков и практики данного конфессионально-политического проекта: «Хасан I (Хасан ибн Ас-Саббах – А.Н.) фактически создал государство, просуществовавшее до 1256 года. Он установил в Аламуте для всех без исключения суровый образ жизни. Первым делом демонстративно, во время мусульманского поста Рамадан, отменил на территории своего государства все законы шариата. За малейшее отступление грозила смертная казнь. Он наложил строжайший запрет на любое проявление роскоши. Ограничения касались всего: пиров, потешной охоты, внутреннего убранства домов, дорогих нарядов и т.п. Суть сводилась к тому, что в богатстве терялся всякий смысл. Зачем оно нужно, если его нельзя использовать? На первых этапах существования Аламутского государства Хасану I удалось создать нечто, похожее на средневековую утопию, которой не знал исламский мир и о которой даже не задумывались европейские мыслители того времени. Таким образом, он фактически свел на нет разницу между низшими и высшими слоями общества. По мнению некоторых историков, государство исмаилитов-низаритов сильно напоминало коммуну, с той лишь разницей, что власть в ней принадлежала не общему совету вольных тружеников, а авторитарному духовному лидеру-вождю» [Головкин, Петропавловский 2010: 74].

многоженство (при обязательности замужества), практиковалась смена имен на изобретаемые новые, ставились публичные агитационные спектакли, проводились демонстрационные казни. Происходило испытание альтернативного будущего, создаваемого насилием в искаженной, все более деформируемой среде. Кстати, в событиях тех дней заметны и некоторые общие черты с эксцессами грядущей Французской революции.

Размышляя о параллелях, связанных с *национальными движениями и отрицанием западной культуры*, можно вспомнить возникшее на пороге прошлого столетия в колонизируемом и балканизуемом Китае движение ихэтуаней (*ихэцюань* – «кулак во имя справедливости и согласия»). Пронизанный магизмом и фанатизмом людской поток, адаптировав под свои нужды религиозно-мистические ритуалы, заимствованные у традиционных сект, охватил тогда огромную территорию, в какой-то момент восставшие фактически овладели имперской столицей. Сеть подпольных ячеек и боевых отрядов превратилась в легальную военно-политическую конструкцию, особенно после достижения договоренностей с официальной властью – правительством императрицы Цыси. Объединяющим признаком пестрого мистико-националистического сообщества полевых командиров, напоминающего нынешние антиевропейские изводы, наподобие Боко Харам, была активная неприязнь ко всему иностранному и массовое, поголовное уничтожение иноверцев-христиан независимо от этнического происхождения. Процесс, однако, не достиг логического завершения, будучи прерван усилиями военной коалиции восьми стран Запада и Востока.

О своем видении исторических горизонтов заявила в начале XX века группа отцов-основателей квази-религиозной, *идеологически мотивированной утопии* – футуристичного образования потенциально глобальных пропорций, целью которого было «объединение трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» [Конституция... 1924].¹⁴ И, как в случае с ИГИЛ, сила универсальной идеи превосходит усеченную форму ее конкретной реализации.

Миражи новой эры быстро окрасились в багровые тона. На территории бывшей Российской империи утвердился режим с обязательной к исповеданию гражданской религией, суверенной системой ценностей и специфической моралью. Тоталитарная конструкция управлялась политическим оксюмороном – *единственной партией* в качестве «ядра государственных организаций» [Конституция... 1936].¹⁵ Практика красного террора, унаследовав худшие черты якобинской диктатуры, придала репрессиям больший масштаб и обезличенный характер, направленный на сей раз против «буржуазных элементов». А с течением времени вовлекла в гибельную воронку и другие социальные группы, национальные сообщества [Земсков 118].¹⁶ В период

---

¹⁴ «новое союзное государство ... послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». Раздел первый. Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

¹⁵ [Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) представляет] «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Ст. 126 раздела «Основные права и обязанности граждан».

¹⁶ В течении 16-ти месяцев Большого террора (с августа 1937 по ноябрь 1938 гг.) по данным комиссии под председательством П.Н. Поспелова (1956 г.) по политическим мотивам было арестовано 1548366 человек, приговорено к расстрелу 681 692. В.Н. Земсков на основании собственных исследований уточняет: «по документально подтвержденным данным, в 1937-1938

«большого террора» сотни тысяч были расстреляны вообще без судопроизводства «в порядке административного проведения дел через тройки» согласно региональным лимитам [Охотин, Рогинский 2007].

Перечень политоргаизмов, внедрявших «новую нормальность», физически и морально уничтожая людей, диссонирующих с очередной утопией, данными примерами не исчерпывается. Достаточно вспомнить практику эвтаназии и Холокост в летописи Ordnung'a, вычеркнутого из истории антигитлеровской коалицией. Или эксперимент красных кхмеров по воплощению «стопроцентного коммунистического общества», прерванный интервенцией внешней силы (армии Вьетнама).

Токсичная государственность

Социальная вселенная переживает транзит в неравновесное и, возможно, перманентно подвижное состояние. Трансформируется система мировых связей, появляются слабо-формализованные игроки, состояются инновационные формы организации [Неклесса 2018: 80]. Многолюдный мир предполагает умножение факторов, субъектов, проектов, которые взаимодействуют, конфликтуют между собой.

17

Расширилась номенклатура внешнеполитических организмов: мировые регулирующие органы, межгосударственные и надгосударственные структуры, страны-системы, государства-корпорации, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования, корпоративные государства и государства-корпорации, организации с подвижными границами, геэкономические интегрии, влиятельные сообщества, конституирующие de facto новый тип политоргаизмов – власть вне привычных форм государственности. Обновляются международные регистры: к размежеванию на страны развитые и развивающиеся добавились другие оценочные категории – государство несостоявшееся, хрупкое, мафиозное, государство-изгой etc. Предельные рубежи складывающейся системы: постсовременное трансграничное сообщество (Новый Север) и территории неоархаизации (Глубокий Юг), отмеченные метастазами культуры смерти и контролируемые полевыми командирами, живущими за счет трофейной экономики.

Один из векторов глобальной трансформации – субсидиарность: добровольное разделение или вынужденное делегирование полномочий на региональный либо местный уровень. В цивилизованных формах это повышение статуса автономий: Шотландии, Квебека, Басконии и т.п. Другое проявление децентрализации – радикальный сепаратизм: появление государств с непризнанным или ограниченно признанным суверенитетом. На территории постсоветского пространства их список не так уж мал, включая Абхазию, Южную Осетию, Карабах, Приднестровье, ДНР, ЛНР.

В XX веке феномен государства-организации пережил расцвет как следствие этатистской эмансипации: демонтаж континентальных империй произвел на свет множество национальных государств, в которых партийный аппарат, руководивший

гг. по политическим мотивам было осуждено 1344923 человека, из них 681692 приговорено к высшей мере».

¹⁷ Актуальный пример – сирийская коллизия: поле взаимной конфронтации и переплетающихся инициатив более дюжины активно действующих политических субъектов, преследующих свои цели (режим Асада, мозаика сирийской оппозиции, джихадисты, курдские национальные движения, Хизбалла, ИГ, Иран, Израиль, Турция, Россия, участники коалиции под эгидой США).

борьбой, получал доступ к власти. Версальский мироустроительный эксперимент создал от Балтики до Черноморского побережья и далее к Адриатике геополитический пейзаж с дюжиной новых стран, протянувшихся цепочкой от Финляндии до сообщества балканских наций. В афразийской зоне рождение национальных государств было предопределено чересполосицей подмандатных территорий. Следующим актом исторической драмы уже после II мировой войны стала деколонизация морских империй. Осколки постимперской сумятицы порою настигал особый, «девятый» вал деконструкции, они оказывались во власти догоняющих волн этнонациональных конфликтов, разрушавших на сей раз локальных империалистов. Состоявшееся национальное государство сковывает подобные тенденции, формируя политическую нацию, кризис идентичности высвобождает их.

Провалы в государственном строительстве, смыкаясь с трещинами мироустройства, могут вести к ограниченным обрушениям цивилизации. Травматические инклюзии опознаются не только в исторической ретроспективе, но и в актуальном мироустройстве. Вспоминается драма распавшейся в 90-е годы Югославии – наследницы постимперской чересполосицы лимитрофов Австро-Венгерской и Османской империй. Боевые действия, геноцид, деструкция были остановлены внешними усилиями в том числе на основе Дейтонских соглашений, предполагавших активную пассивацию. А затем, в случае с Косово, путем применения и более серьезных мер военного характера, итогом чего стало окончательное умиротворение Балканского региона.

Издержки национального строительства, постимперские грезы об утраченном, ирредентизм – это одна сторона политического творчества и государственного строительства. Не менее живучими, устремленными в будущее оказываются перипетии конфессиональных или идеологических кодов универсального толка (i.e. «халифатов», а не «султанатов»). Модель «Исламского государства», возникшего на *постосманских* территориях, можно сравнить, к примеру, с миражом Новороссии в *постсоветском* космосе, схожим образом привлекавшим извне прозелитов и симпатизантов.¹⁸ Действительно, начальный период дирижируемого процесса, демонстративно ориентированного на утопию «Советского Беловодья», содержит ряд аллюзий с теорией и практикой ИГ. Однако перерождение имперско-советского гибрида «русской весны», ставшего инструментом геополитических амбиций и полигоном неоархаичной государственности, произошло, за короткий срок, замесившись характерными для непризнанных образований правовыми деформациями и коррупционно-криминальной активностью.¹⁹ Начальный состав идейно мотивированных лидеров был изгнан, отозван,

---

¹⁸ «Туда люди едут кто за приключениями, кто за боевым опытом... У каждого свои причины. Конечно, какая-то неустроенность по большей части у этих людей. Как в ИГИЛ, почему туда едут люди? Думают, что они будут там нужны, будут востребованы. Здесь – то же самое» (российский предприниматель-ополченец Бондо Доровских). *Апостроф*. 2015. URL: <http://apostrophe.ua/news/politics/2015-04-20/otkroveniya-byivshego-boevika-na-donbasse-prostobandyi-rossiya-podderjivaet-terror/21946>.

¹⁹ Подробный обзор ситуации в «ДНР-ЛНР» был опубликован в Газета.ru под красноречивым заголовком «Добро пожаловать в ад» (позднее редакцией интернет-издания оно было изменено). *Газета.ру*. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/06/18_a_6846469.shtml См. также оценку ситуации в непризнанных республиках со стороны Украины: «Самое большее, что нас беспокоит именно сейчас – преступления против человечности <...>. Преступления эти имеют конкретные названия. Первое – расстрелы и пытки людей, независимо от того, с какой стороны они захвачены. Второе – работоторговля <...> Кроме того, торговля оружием, взрывчаткой, незаконное попадание через захваченную Россией и российскими войсками

коррупцирован или уничтожен (приход к власти под конфессиональными / идеологическими лозунгами на стадии государственного строительства нередко оборачивается в той или иной форме «ночью длинных ножей»), а продекларированные идеалы, ностальгические устремления оказались сырьем для демагогии, пропаганды и военно-конструктивистских манипуляций.

Список специфических черт «пузырей земли», как правило, включает:

- фундаменталистское/постмодернистское прочтение традиции, парадоксальный идеологический футуризм или религиозный утопизм;
- подвижные границы контролируемых территорий, инволюция к дробящимся сообществам, этно/конфессионально ориентированным городам-государствам;
- социальная инволюция и неoarхаизация, культурная инверсия и цивилизационная эклектика, аксиологический кризис;
- уничтожение «неправильного» культурного наследия;
- использование захваченной инфраструктуры, производственных и финансовых активов, технологий, бюрократического аппарата;
- трофейная экономика как основа жизнедеятельности, логистическая всеядность, коррупция;
- перманентное ведение иррегулярных боевых действий различной интенсивности при несоблюдении законов войны и неразборчивости в отношении атакуемых целей, применяемых средств, включая средства с непредсказуемым и потенциально катастрофическим результатом («черные лебеди»);
- политическое и вооруженное противоборство конфликтующих полевых командиров;
- пытки и казни военнопленных, заключенных, заложничество;²⁰
- антропологический пылесос, действующий как вовне, так и внутри территорий, аккумулируя представителей специфических сообществ и психологических типов (фанатизм, идеализм, инфантилизм, адреналиновая зависимость, асоциальные наклонности), экспортируя в реверсном режиме социальный травматизм;
- криминализация, контрабанда, контрафакт, наркотрафик, торговля людьми и оружием;
- различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека, замещение в социальном регулировании конвенции насилием;
- гендерные эксцессы;²¹

украинскую границу». Дергачев Владимир, Кириллов Дмитрий. 2015. 'Влезь или умри'. Как выживает Донбасс. К чему пришли ЛНР и ДНР через год после референдума. *Lb.ua*. 2015. URL: http://lb.ua/news/2015/06/16/308384_valentin_nalivaychenko_voni.html.

²⁰ «Буквально несколько дней тому назад, был подвергнут зверским издевательствам один из командиров подразделений нашей бригады. <...> Офицер был подвергнут пыткам, сродни гестапо! После освобождения из застенков доблестных армейцев, он был еле живой. Применялся даже электрический ток! <...> на место происшествия прибыл аж целый заместитель начальника штаба бригада! Некий «Паша бандит» - позывной говорит сам за себя... Гражданин прибыл в абсолютно пьяном состоянии! (после зарплаты, в армии ЛНР это закономерно, тем более, что в эти подразделения в основном уходили те, кого выгоняли за пьянки и не достойное поведение из наших <...> В связи с этим у меня возникает вопрос, так кто же всё-таки является бандформированием???)», - (командир бригады «Призрак» Алексей Мозговой). *Антикор*. 2015. URL: http://antikor.com.ua/articles/40295-ocherednye_otkrovenija_o_hizni_v_lnr_ot_mozgovogo.

²¹ 25 октября 2014 года в подконтрольном «ЛНР» Алчевске состоялся «народный суд» под председательством Алексея Мозгового над двумя мужчинами, подозреваемых в изнасиловании

- психологическая и санитарно-эпидемиологическая дестабилизация, экологические угрозы;
- беженцы и переселенцы.

Исторические трансформации чреватые как появлением иного порядка, так и системной хаотизацией. Те или иные формы сомализации можно наблюдать в разных местах планеты. Кризис переживают многие территории, захваченные культурой Модернити, но симулировавшие институты национального государства без воссоздания его основы – гражданского общества. Список же наиболее проблемных ареалов – летопись перипетий национального строительства, он включает САДР, Азавад, Восточное Конго, Дарфур, Сомалиленд, Газу, Азад Кашмир, Вазиристан, «зону племен» в Пакистане, Ва, Шан – на севере Маньямы, «золотой треугольник» на Индокитайском полуострове, другие «золотые земли» и т.д.

Траектории будущего сопряжены с критическими обстоятельствами, ставя под сомнение привычные ориентиры. Бурлящее многолюдье корректирует сценарии футуристов, используя опыт поколений, но руководствуясь собственной аксиологией. Во взаимосвязанном мире региональные турбулентности способны вызывать каскадные процессы, вовлекая возрастающее число участников и предвещая радикальные перемены.

А.И. НЕКЛЕССА. «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» КАК ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВА-ОРГАНИЗАЦИИ

Некlessа Александр Иванович, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Адрес электронной почты: neklessa@intelros.ru

Аннотация: Предмет исследования – «Исламское государство» как легальная манифестация экстремистских исламистских практик, политически и отчасти территориально обустроенная в государственном формате, не являющемся, однако, характерным для Нового времени типом государственности (nation-state). Цель исследования – определение этой специфичной государственности, поиск типологически схожих политконструкций, опознание ее возможных исторических аналогов, выделяя общее и особенное. Гипотеза исследования – ИГ/ИГИЛ/ДАИШ – постсовременный/неоархаичный извод феномена государства-организации, реализованный в новом историческом контексте. Характерные черты подобной государственности: претензия на обладание истиной и обязательная, государственная идеология (тоталитаризм); авторитарная и замкнутая структура власти (номенклатура); универсальность устремлений и глобальность притязаний (экспансионизм); фанатизм, культ силы и лидера, ксенофобия, крайние формы принуждения и наказания, преследования инакомыслящих; уничтожение наследия, ценностей и

15-летней и 13-летней девочек, в ходе которого около 300 жителей города путем «поднятия руки» проголосовали за смертный приговор через расстрел одному из мужчин, а другого приговорили к отправке на линию фронта, чтобы он мог «искупить свою вину и умереть с честью». В ходе данного заседания Мозговой заявил: «Пускай даже юридическая общественность заявит, что это несовершеннолетняя форма с точки зрения юриспруденции, но зато это совершенная форма народовластия. Сегодня у вас есть первый шанс действительно проявить себя как активное гражданское общество с активной позицией и правом слова». Тогда же Мозговой сказал, что «патрулю будет дан особый приказ – всех девушек арестовывать, которые будут находиться в кабаках», отметив что «женщина должна быть хранительницей очага, матерью. А какими матерями они становятся после кабаков?». В час пик. 2016. URL: <http://vchaspik.ua/biography/394420-mozgovoy-aleksey-borisovich>.

артефактов иных культур. Различного рода травматические инклюзии в политическом космосе современности, обладая частичным набором данных черт, представляют феномен в становлении с той или иной степенью завершенности. Образцы государства-организации и близких к нему конструкций: а) в исламской культуре: распределенная государственность низаритов (хашишийя); б) в христианской культуре: локальная государственность Мюнстерской коммуны; в) в национальном движении: парагосударственность ихэтуаней; г) в секулярной культуре: гибридный конструкт «Мировая социалистическая советская республика»; д) в современном мироустройстве: травматическая инклюзия ОРДЛО (Донбасс, Украина). «Исламское государство» это также своеобразный постмодернистский акт. Активизм, футуристичность, элементы франчайзинга и «исламистского коммунизма», – все это находит отклик у людей, фрустрированных и травмированных современностью. Макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, треволнений New Age, верифицирует свой статус миражами исторического прорыва с отличными от мейнстрима картами будущего. Продвижение к универсальному джихаду прочитывается как личностный и социальный переворот, сакрально мотивированное обновление собственной судьбы и траекторий мира.

Ключевые слова: ИГИЛ, ДАИШ, государство-организация, утопия, политический режим, экстремизм, тоталитаризм.

Литература:

Головки В., Петропавловский Е. 2010. Орден ассасинов. *Наука и техника*. № 11 (54). С. 73-80.

Земсков В.Н. 1995. К вопросу о масштабах репрессий в СССР. *Социологические исследования*. № 9. С. 118-127.

Конституция. Основной закон Союза Советских Социалистических Республик. 1924. М.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936. М.: Гослитиздат.

Некlessа А.И. 2015. Сердце тьмы. Травматическая инклюзия. *Актуальные проблемы экономики и права*. №2 (34). С. 280-295.

Некlessа А.И. 2018. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полис. Политические исследования*. №1. С. 80-95. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. (сост.). 2007. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. 30 октября. №74.

Cottee Simon. 2015. The Challenge of Jihadi Cool. *The Atlantic*. Dec. 24. URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/isis-jihadi-cool/421776/>.

Для цитирования: Некlessа А.И. 2018. «Исламское государство» как феномен государства-организации. *ИНТЕЛПРОС. Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН*. Специальный выпуск «Приватизация будущего». М.: ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. С. 12-24.

ALEXANDER NEKLESSA. ISIS AS A SOFT STATE (STATE AS ORGANIZATION)

Neklessa Alexander Ivanovich, Head of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization, member of the Bureau of the Academic Council “History of the World Culture” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the “North-South” Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies RAS. Email: neklessa@intelros.ru

Abstract. The subject of this research is the "Islamic State", considered as a specific form of a political body arranged in public format, which is not, however a nation-state – a basic state-form of Modernity. The purpose of the study is to define this specific format, comparing it with its possible historical twins. The hypothesis of the study - ISIS/DAISH is a postmodern and a neo-archaic entity simultaneously. The main characteristics of such statehood: claim of possession of the truth and mandatory State ideology (totalitarianism); authoritarian and closed loop power structure (nomenclature); universal and global aggressive claims (expansionism); fanaticism, cult of leader, xenophobia, harassment of dissenters and extreme forms of their punishment; destruction of other culture's texts, artifacts and other heritage values. Different types of political traumatic inclusions in socio-political space of Modernity (with partial set of those features) are being detected. Some of them exist in the process of completeness. Samples of such state organizations and political movements with relative features: a) *in Islamic culture*: Statehood of assassins (Nizari-hashishija); b) *in Christian culture*: Täuferreich (Münster-community statehood); c) *in national movement*: Boxer's para-state organization; d) *in secular culture*: an ideological & political construction of the "World Soviet Socialist Republic"; e) *in Modern world*: traumatic inclusion "ORDLO" (Donbass, Ukraine) resembling IGIL in some aspects. The "Islamic State" is at the same time a sample of futuristic activism with elements of franchising. These psychological vibrations and ideological enthusiasm resonate among people frustrated by modern culture environment being traumatized by it in this or that way. The phenomenon could also be interpreted as a macabre version of "Journey to the East" culture with specific maps of the future or left/right-radicalism, New Age movement, Christian mission etc. ISIS promotes and verifies its status as a tremendous breakthrough. Progress toward Universal Jihad is considered under such circumstances as a mix of personal and social transformation, whose members are motivated to change their personal life radically as well as the trajectory of this world.

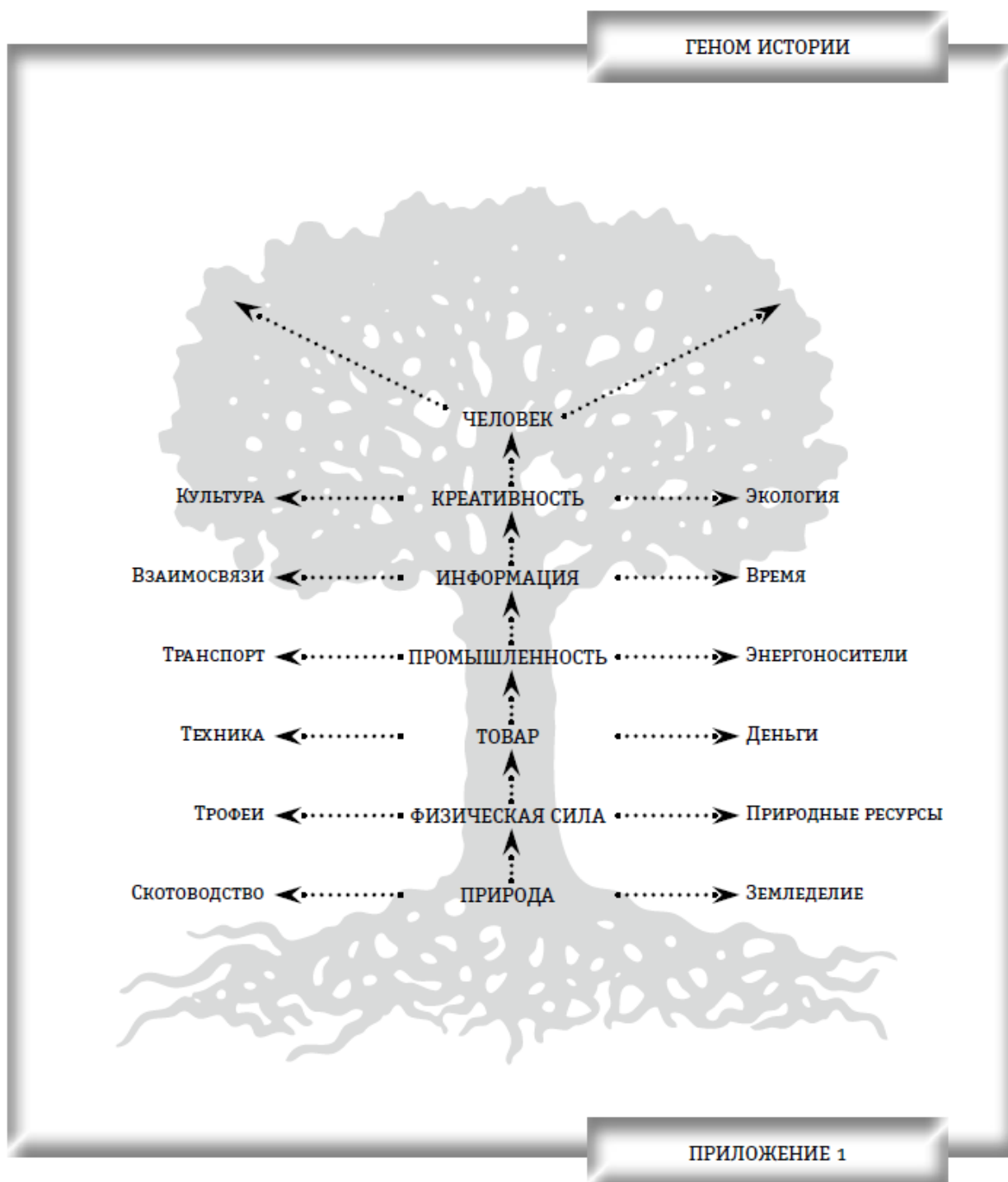
Key words: ISIS, DAISH, soft state, utopia, political regime, extremism, totalitarianism, futurism.

References

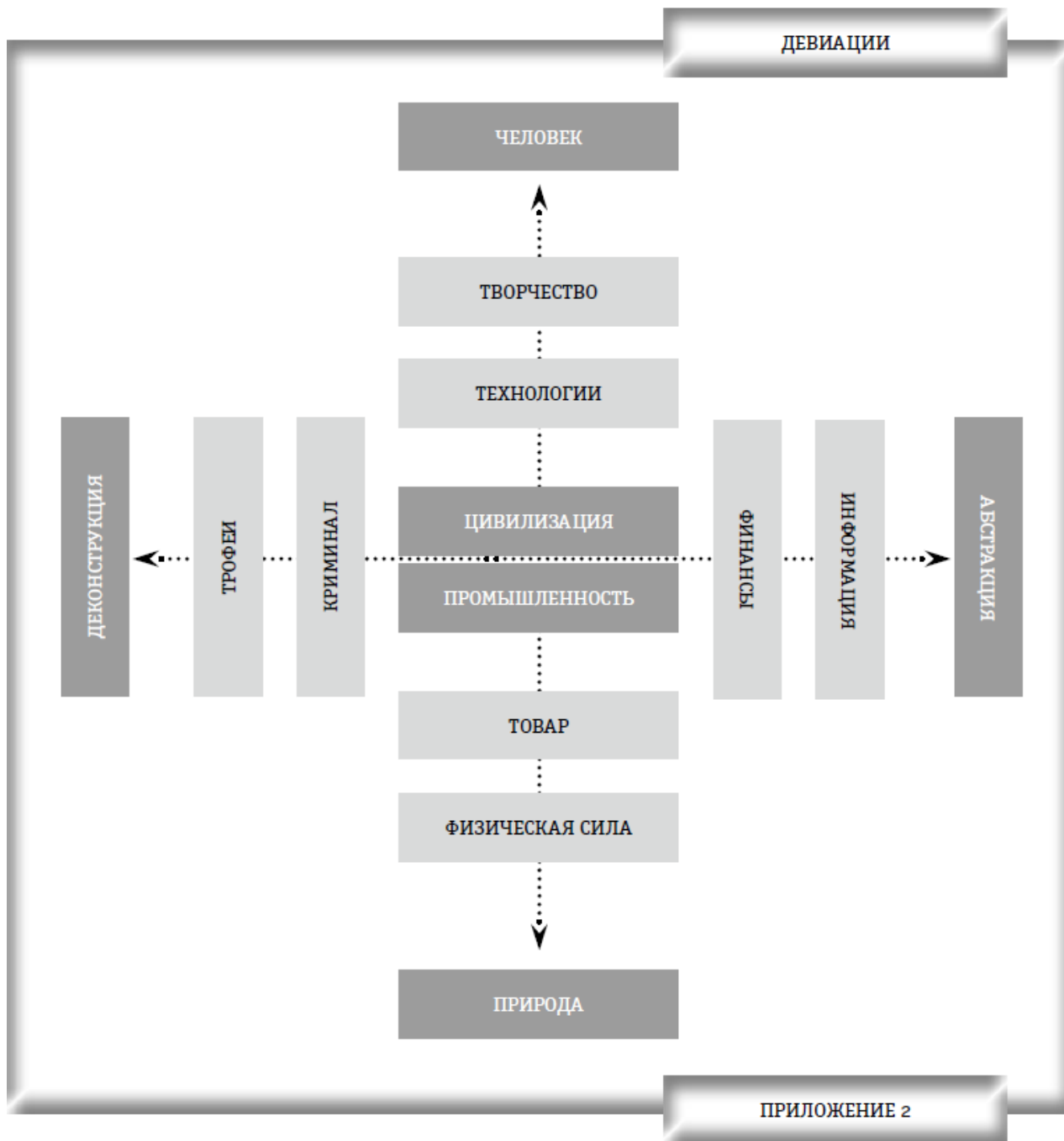
- Golovko V., Petropavlovsky E. 2010. Orden assasinov. *Nauka i tehnika*. № 11 (54). Pp. 73-80. (In Russ.)
- Zemskov V.N. 1995. K voprosu o masshtabah repressiy v SSSR. *Sociologicheskie issledovaniya*. № 9. Pp. 118-127. (In Russ.)
- Konstituciya. Osnovnoy zakon Souza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublic*. 1924. Moscow. (In Russ.)
- Konstituciya (Osnovnoy zakon) Souza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublic*. 1936. Moscow.: Goslitizdat. (In Russ.)
- Neklessa A.I. 2015. Сердце тьмы. Травматическая инклюзия. *Актуальные проблемы экономики и права*. №2 (34). Pp. 280-295. (In Russ.)
- Neklessa A.I. 2018. Krizis istorii. Mir kak nezavershenniy proect. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. №1. Pp. 80-95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.
- Ohotin N.G., Roginskiy A.B. (ed.). 2007. «Bolshoy terror»: 1937–1938. *Kratkaya hronika*. 30 *oktyabrya*. №74. (In Russ.)
- Cottee Simon. 2015. The Challenge of Jihadi Cool. *The Atlantic*. Dec. 24. URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/isis-jihadi-cool/421776/>.

For citation: Alexander Neklessa. 2018. ISIS as a Soft State (State as Organization). *INTELROS. Bulletin of the Commission for Social & Cultural Problems of Globalization under Presidium of the Russian Academy of Sciences*. Special Issue "The Privatization of Future". Moscow: INTELROS–Intellectual Russia. Pp. 12- 24. (In Russ.).

ГЕНОМ ИСТОРИИ (ДИНАМИКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ)

КОМПАС ИСТОРИИ («ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА») Предельные рубежи цивилизационного транзита

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ПРОЕКТУ «СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО»

(Методологические аспекты цивилизационной конкуренции)

ИЕРАРХИЯ ЭВОЛЮЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее.

Быт.29:20

- **СТРАТЕГИЯ ВИКАРИЯ ИЗ БРЭЯ** (эго-стратегия) - адаптивность персоны и деградация вида; мимикрия; сдерживание конкурентов и конкуренции; кризис конкурентоспособности корпорации.
- **СТРАТЕГИЯ КРАСНОЙ КОРОЛЕВЫ** (стратегия популяции) – напряженное соревнование (прайд, этно-конфессиональная общность, страна), внешняя избыточность, динамизм и девиации как жизненно-необходимый ресурс при «эволюции в коэволюции»; анты и разнообразие как преимущество при обустройстве будущего; важность критической суммы качеств, корпоративизм.
- **СТРАТЕГИЯ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО РЕЗОНАНСА** (стратегия трансформации) – вирусный мироустроительный склад («приобретение разноголосого мира»); универсальный идеологический / конфессиональный аттрактор / диссипатор как *factor ultima*; идеал, миссия, матричная трансляция; генерация распределенного множества адептов; дивергенция, приращение, институализация материальных и нематериальных активов.
- **СТРАТЕГИЯ ЧЕРЕПАХИ / SERENDIPITY** (ценностная стратегия) - точность воздействия важнее его силы, правильный выбор критичнее энергии продвижения (ср. «лучший воин не тот, кто лучше воюет, а тот, кто хорошо знает, кто его враг»); плодотворная инакость; генетически продуктивные ценности, синергия субъекта и цели / *right tuning as the crucial action*.

ПРОЛЕГОМЕНЫ КОМПЛЕКСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- * **ОБЪЕКТ:** асимметричный, многофакторный, подвижный, нестандартный, нелинейный, распределенный, нематериальный, метафизический.
- * **ПРОЦЕССЫ:** динамические, разновекторные, комплексные, иррегулярные, критические с нелинейными закономерностями, превосходящие возможности количественного анализа, предполагающие наличие наблюдателя как значимого элемента процесса.
- * **АНАЛИЗ (ПОНИМАНИЕ):** различение форм сознания и соответствующих им систем знания; методология деятельного знания: исследование масштабных операций, система, анализ/динамика, матрица, SOC; несжимаемость сложной рефлексии; десекуляризация дискурса.
- * **ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ (ИНЖЕНИРИНГ):** вмешательство мысли в мастерскую реальности; соответствие методологии действия с горизонтом событий и планирования; управление системное, динамическое, матричное, косвенное, рефлексивное, точечное, рефлекторное, комплексное, синергичное, неклассический оператор (переход от поведенческих аттракторов к ценностным).²²

²² (NB!) Истина прозревается, а правда зависит от позиции и намерений наблюдателя. Конфигурация ситуации связана с ее восприятием; обретая алогичную полноту, она обращает действие в бытие. Сложный ландшафт – «кот Шрёдингера»: лабиринт запутанностей, синхронностей и обертонов, подлежащий будущим метаморфозам. Полнота события сопряжена с органичной природой случайности и обилием вероятностных разрешений, уводящих развитие по множеству все менее совпадающих направлений. Неподвижное здесь, подвижно там. Прогнозирование иного превосходит постулирование точки зрения о должном, имеющим основания, но не имеющим бытия. Оно скорее камертон, чем сценарий.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШРУТ

ПРОМЫШЛЕННАЯ (ИНДУСТРИАЛЬНАЯ) РЕВОЛЮЦИЯ

- ✓ Машины. Двигатель. Механизация. Фабричное производство. Индустриализация.
- ✓ Сциентизм. Урбанизм. Техническое образование.

ВТОРАЯ (ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ) РЕВОЛЮЦИЯ

- ✓ Электричество. Электрификация. Конвейерное производство. Стандартизация.
- ✓ Массовое общество. Революция масс. Этатизация. Идеологии. Партийность. Номенклатура. Инженерная культура. Индустрия образования.

ТРЕТЬЯ (СИСТЕМНАЯ/ЦИФРОВАЯ) РЕВОЛЮЦИЯ

- ✓ Электроника. Систематизация. Управление. Компьютеризация. Автоматизация. Роботизация. Сообщество программ. Нейросети. Дигитальная культура.
- ✓ Глобальная проблематика: междисциплинарность, долгосрочность, холизм. Геоэкономика. Системный анализ. Универсальность. Дистанционное образование.
- ✓ Распределенные структуры. «Кибернетическое разнообразие». Нелинейность, адаптивность, самоорганизация. Дополненная реальность. Киборгизация. Искусственный интеллект. AGI.

ЧЕТВЕРТАЯ (КОГНИТИВНАЯ) РЕВОЛЮЦИЯ

- ✓ Индивидуация и революция элит. Институты как связности культуры и личности (АСС). Геокультура и геоантропология. Перманентное образование (ЛИК).
- ✓ Креативный мир. Оригинальность и уникальность. Биотехнологии и психофизиология.
- ✓ Человек. Экология. Генетические модуляции Персональное развитие. Синергия.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ: СИНГУЛЯРНОСТЬ

Заметки к сборке (complex entity in complex unity)

ПРОЛОГ. Опознание и фиксация проблемы; дескрипт, суммирующий релевантные обстоятельства и предполагаемые события; углубленная интерпретация ситуации (стратегирование); дорожная карта задач; инициация и коррекция институализации.

- * анализ статуса организации и прогноз ее конкурентных состояний: восходящего («нуклеарно-синергичного»), нисходящего («авторитарно-роевого») и расходящегося («полисуверенного»). Вероятность разрушения организации.
- * макет траектории актуальной и потенциальной ситуации в форме динамической презентации.
- * культивация организации: маршрут пошагового снятия деформаций с текущего состояния изделия, процесса, коллектива (сжатого, искаженного идеала).

I. СУПЕРПОЗИЦИЯ. Суперпозиция запечатлевается в *миссии* и *видении* (основная причина активности и ее совершенное следствие).

- * художественный аспект (гештальт, гармоника, камертон – «смысл»);
- * аналитический аспект (контент, сюжет, цель – «текст»).

II. ДЕКОГЕРЕНЦИЯ. Выход из суперпозиции в конкретизацию (фиксацию).

- * декогеренция определяется замыслом инициатора и конъюнктурой *индустрии*.
- * учитываются состояние *ин-экс ресурсов* и наличие *золотого ключика* (конкурентное преимущество, уникальная особенность, т.е. *core competence*).

III. ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ. Цельность – продукт постижения цели («беременность как рождение»), т.е. продвижение и результат – единая динамическая категория.

- * генетическая стратегия как пошаговый алгоритм (маршрут, «тарикат») созидания целостности процесса и результата.
- * динамическая оргструктура как селективная персонализация этапов дорожной карты проекта

ПРОЕКТНЫЕ СЕМИНАРЫ «НЕКСУС» (ИНТЕЛПРОС)

- **СЛОЖНОСТЬ.** Сложный человек в сложном мире - *январь*.
- **СИНГУЛЯРНОСТЬ.** Инакость. Rite of Passage - *февраль*.
- **ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ.** Общество программ. Нейросети. AGI - *март*.
- **ТРАНСФИНИТНАЯ ЭКОНОМИКА** (числовой ряд как ЦБ, криптовалюты, идеология блока транзакций, n-мерные деривативы, универсальное страхование, неотчуждаемые активы, франчайзинг будущего) - *апрель*.
- **СУММА ЗНАНИЙ.** Тетраматрица знания, новые образы знания (органистическое, неотчуждаемое, нерациональное, личное) - *май - июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ФОРМЫ СОЗНАНИЯ.** Разнообразие видов интеллекта, эволюция сознания, человеческие качества - *май - июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА.** Эволюция сознания, Неординарные и искусственные способности, уникальные компетенции, психофизическое, химическое и генетическое модулирование - *май - июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ПРОГНОЗИРОВАНИЕ** и его актуальные формы (форсайт, букмекер-прогнозирование, транзакционное, генетическое, эволюционное, тетраматричное, эмерджентное как «возникающее свойство») - *май - июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ / ПАЙДЕЙЯ (ЛИК):** форматы образования и развития, типология элит (личность/интеллект/культура) - *сентябрь*.
- **МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ-ДЕЙСТВИЯ-УПРАВЛЕНИЯ** с акцентом на методы косвенного управления; матричное, рефлексивное, точечное, рефлекторное, SOC, синергичное управление, неклассический оператор (переход от поведенческих аттракторов к ценностным); эволюционные стратегии и ко-эволюционный конфликт - *октябрь*.
- **МИР КАК СУММА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ.** Soft state, liquid state, post-state, геоэкономический атлас, мир корпораций, антропо-социальные структуры (видовое разнообразие, смена социоценоза) - *ноябрь*.
- **ПОСТСОВРЕМЕННАЯ / ГИБРИДНАЯ ВОЙНА** в понимании: иррегулярная, распределенная, договорная, холодная, комплексная, сложная, синкретичная, универсальная, десекулярная, персональная, метафизическая. Агрессия, защита,

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Руководитель Группы «Север-Юг» (ака Лаборатория «Север-Юг») Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член российских отделений Всемирной федерации исследований будущего (WFSF) и Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), а также Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова и Русского исторического общества. Член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии» (ИНЭС РАН, Россия).

Со-руководитель семинаров «Цивилизационные альтернативы мирового развития» и «Борьба за будущее. Цивилизационная конкуренция как фактор глобального переустройства мира» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН), междисциплинарного семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Решное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ». Являлся членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ» и аналитической группы Совета обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее» / FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор примерно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО (2016-2017), БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ (2018-2020), ИНТЕЛПРОС (2003 – по настоящее время).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа, прогноза и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.